

Подходы к проектированию жилища во многом определялись противоречивыми требованиями советского градостроительства. В 1920-е годы произошел переход от идеи повсеместного возведения поселков малоэтажных домов к строительству крупных многоэтажных жилых комплексов. Однако в 1930-е необходимо было демонстрировать успехи советской власти потребовала включения жилища в престижные ансамбли. Одновременно реалии советского градостроительства определялись промышленно-ведомственной системой, рассматривавшей город как нечто вторичное по отношению к производству. В послевоенный период жилище встраивалось в грандиозные проекты ансамблей – «памятников Победы», но на практике город представлял совокупность малоэтажных поселков. В первой половине 1950-х градостроительные задачи стали подгонять под возможности типового проектирования.

Ключевые слова: жилищное строительство; многоэтажные жилые комплексы; «магистральные» жилые дома; промышленно-ведомственная система; поселки при предприятиях; типовое проектирование жилищ. /

Approaches to housing design were determined by the contradictory requirements of Soviet urban planning. In the 1920s, there was a transition from the idea of the dominance of low-rise settlements to the construction of large multi-story residential complexes. In the 1930s, the need to demonstrate the successes of the Soviet government required the inclusion of housing in ensembles. At the same time, the realities of Soviet urban planning were determined by the industrial-departmental system, which viewed the city as something secondary in relation to industry. In the post-war period, housing was built into grandiose projects of ensembles – “Victory monuments”. But in practice, the city was a collection of low-rise settlements. In the first half of the 1950s, urban planning tasks were adjusted to the possibilities of standard construction.

Keywords: housing construction; multi-story residential complexes; “trunk” residential buildings; industrial-departmental system; settlements at enterprises; standard housing design.

Жилище как градостроительный объект (1920–1950-е годы) / Housing as an urban development object (1920s–1950s)

текст

Анна Васильева

Национальный исследовательский московский государственный строительный университет

Юлия Косенкова

Национальный исследовательский московский государственный строительный университет

text

Anna Vasiliieva

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Yulia Kosenkova

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Отмена частной собственности на землю и недвижимость в первые месяцы советской власти должна была обеспечить возможность комплексной реконструкции городских территорий. Наиболее целесообразным путем, созвучным популярной в то время концепции городов-садов Э. Говарда, было вынесение основных объемов нового жилищного строительства в зеленые пригороды. Продвижению этой идеи способствовало и подорванное состояние коммунального хозяйства в крупных городах. В отличие от западных проектов, где всем жителям поселка предлагались сопоставимые условия проживания, отечественные проектировщики закладывали сложную типологическую линейку жилищ, ориентированную на разный бытовой уклад. Одни из первых послереволюционных проектов новых жилых образований – «показательный квартал», предложенный Г. Д. Дубелиром в середине 1918 года, и «пригород-сад» под Москвой «Приволье» (В. В. Войников и В. Д. Дубовский, не позднее октября 1918) – включали одноквартирные жилые дома для индивидуально-семейного заселения и дома-коллектива для одиноких и малосемейных, не желающих вести домашнее хозяйство. Именно «дома-коллективы» благодаря своему укрупненному масштабу становились композиционными доминантами поселков.

Но довольно быстро стало очевидно, что вынесение значительных объемов нового строительства в пригородные зоны никак не сможет способствовать реконструкции городских территорий, а приведет лишь к усугублению транспортной проблемы. Периферийные городские территории также остро нуждались в поиске новых подходов к их планировке. В начале 1920-х годов появляются первые проекты комплексной застройки жилых кварталов. Например, проекты, разработанные в рамках «Конкурса на проект показательных домов для рабочих квартир в Москве», объявленного МАО по заданию Моссовета в декабре 1922 года, представляли собой варианты застройки квартала жилыми домами разных типов. Сочетание блокированных много квартирных секционных для индивидуально-семейного и коридорных для коммунального заселения позволяло обеспечить соответствующую московским требованиям достаточно высокую плотность застройки. В квартал включались и элементы

приближенного бытового обслуживания, обеспечивающие жителями необходимый уровень бытового комфорта. Но уже при подведении итогов этого конкурса стало понятным несоответствие представленных предложений существующим экономическим условиям, невозможность реализовать их хоть в какой-то мере.

Начиная с 1925 года переход к курсу на индустриализацию страны обусловил требования к увеличению количества жилищ для рабочих, занятых в промышленности, что в свою очередь потребовало освоения значительных территорий. Приоритет отдавался застройке укрупненных участков, что должно было способствовать эффективному решению проблемы массового расселения.

В городах с достаточным уровнем развития инженерных городских коммуникаций во второй половине 1920-х годов строились укрупненные комплексы капитальных многоквартирных жилых домов, именовавшиеся в народе «городками» (рис. 1). Они могли возводиться как за муниципальный, так и за ведомственный счет, а также за счет средств жилищных кооперативов. В московской практике на территории одного квартала нередко могли соседствовать комплексы разных застройщиков, визуально складываясь в целостную застройку благодаря общему масштабу жилых корпусов и их лаконичному архитектурному облику. Предприятия бытового обслуживания проектировались на первых этажах жилых домов или в виде пристроенных объемов.

В Ленинграде в конце 1920-х – начале 1930-х годов наблюдалась концентрация многоэтажных секционных жилых домов на небольших укрупненных строительных участках, что позволяло не распылять материальные ресурсы строительства. Однако принципы организации кварталов были иными. Повышенное внимание к разработке общей планировки города, приверженность классике обусловили своеобразие построения внутриквартальных пространств, которые просматривались с улицы через многочисленные арки и проходы. Улицы, а также внутриквартальные проезды обязательно имели замкнутую визуальную перспективу. При этом архитектура жилых домов была достаточно лаконичной.

Несмотря на развертывание капитального жилого строительства в крупных городах, малоэтажная застройка

^ Рис. 1. Общий вид застройки жилого массива на ул. Усачева в Москве (<https://pastvu.com/p/79722>)

также не теряла своей актуальности. Для участков с низким уровнем развития городских коммуникаций именно такое строительство казалось оптимальным, подчас принимая значительный, «укрупненный» размах. Примером малоэтажной «стандартной» застройки является 1-й Рабочий поселок в Иваново, возводившийся в 1924–1928 году. Всего в нем было построено 144 малоэтажных дома разных типов, рассчитанных на заселение 8 тыс. человек; в проектировании принимали участие видные архитекторы В. Н. Семенов, С. Е. Чернышев, Л. А. Веснин и др. При этом в центральных районах города во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов шло строительство комплексов многоэтажных жилых домов, масштабно и типологически соответствующих столичной практике.

Следует, однако, заметить, что в крупных городах, в том числе в Москве, развивалась и практика точечного выделения участков сравнительно небольшой площади в центральных районах для «адресного» проектирования жилых домов крупных ведомств и состоятельных жилищных кооперативов.

Приоритет массового жилища для рабочих сохранялся в установках и лозунгах начала 1930-х годов, однако исподволь в жилищном строительстве начинались совершенно иные процессы, связанные, как известно, с нарастанием социальной избирательности и поисками наглядных образных характеристик социалистического города. Лидирующую роль здесь сыграла Москва. В июне 1930 года город был вновь выделен как самостоятельная административно-хозяйственная единица из созданного в 1920-х годах конгломерата с Московской областью и впервые осознан как столица социалистического государства. Новое понимание столичного статуса и сосредоточение в Москве советской номенклатуры предъявляли повышенные требования комфорта к жилищному строительству. Оно стало рассматриваться как одно из основных инструментов реконструкции крупных городских магистралей, создания «парадного фасада города», что неоднократно отмечалось в речах руководителей государства [1, с. 3–7].

Конкретные требования к столичным домам были установлены летом 1932 года в постановлении Президиума Мосгорисполкома «О типе жилого дома» [2, вклейка перед с. 1]. Основным стал тип капитального многоэтажного жилого дома от 5 этажей и выше с квартирами в 2, 3 и 4 комнаты. В первых этажах предполагалось размещение столовых, кафе, ресторанов и магазинов. Каждый дом должен был иметь свое индивидуальное архитектурное оформление, соответствующее окружающим домам и характеру района. К 1934 году основная высота жилой застройки устанавливалась в 7–8 этажей. Особое место в законодательстве рассматриваемого периода занимало «повышение качества строительства» [3, статья 180]. Это должно было существенно увеличить стоимость строительства, но вместе с тем создать комфортные бытовые условия и насыщенные архитектурные образы. Столичная практика жилищного строительства по мере возможностей распространялась на другие города, в основном в виде «домов специалистов» на главных улицах.

Жилым домам в основном отводилась роль фона, на котором должны наиболее выразительно смотреться общественные здания [4, с. 1–4]. Для создания целостного образа пролетарской столицы жилой дом должен был соответствовать общей композиции квартала, улицы или площади [5, л. 83]. Но при необходимости жилые здания могли служить и архитектурными акцентами градостроительной композиции. При этом основное внимание уделялось формированию уличного фронта застройки, а проектировавшиеся внутри кварталов объекты обслуживания, озелененные дворы, бассейны, спортивные площадки оставались неосуществленными.

В рамках реализации Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года, предусматривавшего значительное увеличение ее территории, новую застройку высотой не менее 6 этажей предполагалось вести укрупненными кварталами (9–15 га). На участках, требующих парадного оформления, высота зданий могла увеличиваться до 14 этажей. Подход к жилому дому не как к самостоятельному объекту, а как к части ансамбля определил переход к новым принципам жилищного строительства, связанным с комплексной реконструкцией больших территорий, который начался после Совещания по вопросам строительства в ЦК ВКП(б) в декабре 1935 года [6, с. 1].

Первым примером, который должен был стать образцово-показательным строительством, была реконструкция 1-й Мещанской улицы (ныне проспект Мира на участке от Сухаревской площади до площади Рижского вокзала). В соответствии с общим планом реконструкции улицы застройщикам были выданы участки и общие требования к возводимому зданию. Они сами выбирали архитектора и действовали сообразно собственным возможностям. Существующие ценные здания реконструировались и включались в объем новых строений. В результате на магистрали возникли новые капитальные дома, отвечающие современным требованиям, но единого ансамбля они не составляли, что вызвало острую критику современников [7, л. 95] (рис. 2).

Серьезные затруднения вызывало и то, что в московской практике планирование коммунального строительства было оторвано от гражданского, в результате чего целый ряд больших новых участков строительства не был своевременно обеспечен водопроводом, газом, электричеством и т. д.

Такая ситуация с раздробленностью строительства заставила прибегнуть к принципу единовременной застройки при комплексной реконструкции улицы Горького, имевшей важное идеологическое значение. Застройка правой стороны от Охотного ряда до Советской площади проводилась под руководством архитектора А. Г. Мордвинова. Первоначально Моссовет поручил эту разработку 2-й проектной мастерской, возглавляемой А. В. Щусевым. Эта стройка должна была стать показательной как в отношении методов и темпов строительства, соответствующих

^ Рис. 2. Вид на нечетную сторону 1-й Мещанской улицы и жилой дом ТАСС
(<https://pastvu.com/p/7092>)

требованиям «удешевления и улучшения», так и продемонстрировать новый стандарт оформления фасадов жилых домов и интерьеров общественных учреждений. Значительная часть проекта была выполнена именно в этой мастерской. Тем не менее авторство этих домов приписывают А. Г. Мордвинову. По завершении этастройка была признана образцовой с точки зрения организации работ, темпов и качества строительства.

Следующим этапом развития принципов комплексной застройки магистралей на основе скоростных методов строительства была застройка Б. Калужской улицы (ныне начало Ленинского проспекта). Руководил строительством также А. Г. Мордвинов, в проектировании отдельных зданий принимали участие Д. Н. Чечулин, Г. П. Гольц и др. Застройка, в отличие от улицы Горького, велась не единым фронтом, а отдельными корпусами. Планы зданий основывались на утвержденной типовой секции. Фасады получили минимальную отделку типовыми элементами заводского изготовления. Силуэт застройки создавали переменная этажность корпусов и массивные приставные балконы. Большие прямоугольные проемы витрин магазинов на первых этажах собирали застройку улицы на уровне глаз зрителя в единую композицию. Но из-за схожей конфигурации корпусов, поставленных с равными интервалами, возникало ощущение монотонности, а ожидаемого эффекта создания единого ансамбля магистрали не получилось.

Примером ансамбля комплексно реконструируемой магистрали является застройка Можайского шоссе (ныне Кутузовского проспекта), осуществленная по проекту З. М. Розенфельда, который победил в закрытом конкурсе 1939 года. Разные по высоте и протяженности корпуса образовывали единую композицию, рассчитанную на целостное восприятие при движении по магистрали. Композиция фасадов фоновых восьмиэтажных корпусов (Кутузовский проспект, 19–21, арх. З. М. Розенфельд, В. В. Извеков, 1940) была построена на контрасте равномерной сетки окон и объемных декорированных лоджий верхних этажей, создающих силуэт здания. Дома-акценты имели меньшую протяженность, но повышенную этажность (Кутузовский проспект, 25, арх. З. М. Розенфельд, 1940–1949). Горизонтальные тяги разбивали здание

на убывающие ярусы, что визуально облегчало композицию. Отдельные корпуса соединялись декоративными стенами с арочными проемами, что должно было дополнительно связать все здания в единую композицию.

Таким образом, в ответ на задачи комплексной реконструкции города и увеличения объемов массового строительства к началу 1940-х годов произошел переход от принципа застройки отдельными домами по утвержденному плану к трактовке магистралей как совокупности жилых домов, объединенных общим композиционным замыслом. Работа над комплексным проектированием магистралей будет продолжена в послевоенный период, но уже в соответствии с новыми задачами, поставленными перед столичной архитектурой.

Пока в советской архитектуре второй половины 1920-х – начала 1930-х годов шли новаторские поиски и эксперименты, жизнь разворачивала проблемы застройки городов и создания жилищ во многом по-своему. На практике начиналось строительство одного или нескольких промышленных предприятий, часто принадлежавших различным ведомствам и никак планировочно друг с другом не согласованных. Быстро росли временные «барачные поселки», население которых достигало сотен тысяч человек. Такие поселки, например, выросли в Магнитогорске, Нижнем Тагиле, при Горьковском автозаводе, в Орске, Прокопьевске, Кемерове, Ленинске и др. Лишь после этого, как правило, возникал вопрос о выборе площадки для города, чаще всего на оставшихся неблагоприятных территориях.

Великая Отечественная война на какое-то время практически полностью переключила внимание архитекторов на проблемы, связанные с эвакуацией в восточные районы страны промышленных предприятий и людей. Строительство в срочном порядке производственных зданий для предприятий и жилья для людей дало архитекторам и строителям новый опыт, оказавший немалое влияние на последующую деятельность по застройке городов. В военное время, естественно, основное внимание было сосредоточено на вопросах, связанных с упрощенными и скоростными методами возведения зданий, осуществлявшимися в основном промышленно-отраслевыми строительными организациями.

Однако уже в 1942 году началось обсуждение вопросов, связанных с будущим восстановительным строительством. Архитекторами вполне осознавалась необходимость соотнесения жилищного строительства военного времени с завтрашними проблемами развития городов [8]. Однако в большинстве случаев предельно сжатые сроки, необходимость жестких решений, принимавшихся в высших эшелонах власти, практически выводили этот процесс из-под контроля архитекторов-градостроителей. Тревога по этому поводу звучала, в частности, на совещании архитекторов 1942 года в Свердловске [9, с. 3] и со страниц профessionальной печати военных лет.

Основой обсуждения этой проблемы была мысль, что сегодняшнее временное строительство есть подготовка к завтрашнему грандиозному развертыванию строительных работ. Вся градостроительная проблематика фокусировалась в одной, весьма занимавшей профессиональное сознание архитекторов теме: как совместить малоэтажное поселковое строительство с требованиями «большой архитектуры», отвечающей ценностям «ансамблевого мышления» [10, с. 1]. Тогда казалось, что послевоенная градостроительная практика пойдет по пути создания небольших малоэтажных, удобно и красиво застроенных жилых поселков при предприятиях. Опыт военных лет давал хотя и немногочисленные, но удачные примеры подобного рода. Например, городок нефтяников близ Гурьева в Казахстане (рук. арх. С. В. Васильков-

ский) или 14-й квартал Магнитогорска (арх. Е. А. Левинсон, А. А. Оль, Г. А. Симонов).

На деле строительство «эталонных» поселков мало влияло на массовую жилищную практику военного времени. Более распространенной, как в этом убеждает исследование материалов Государственной инспекции архитектурно-строительного контроля, была другая картина: отсутствие благоустройства и обслуживания в жилых поселках, низкий архитектурный уровень, строительство жилья в непосредственной близости от промпредприятий, в зоне промышленного загрязнения. Тем не менее в конце войны началась массовая корректировка довоенных генпланов с переориентацией их на давляющее преобладание малоэтажного жилищного строительства. Тратилось немало усилий, чтобы доказать, что поселки, составленные из типовых малоэтажных домов, имеют право считаться «большой архитектурой», которые наряду с монументами, отражающими пафос Победы, и составят среду послевоенного города. Малоэтажное строительство должно было составить около 3/4 всего нового жилищного строительства в стране. Строительство жилых домов в 3–5 этажей намечалось лишь в центральных районах городов, на основных магистралях.

Конкурс на составление «экспериментальных проектов жилого микрорайона», проведенный в 1945–1946 году, был, по сути, первой в послевоенный период попыткой подступиться к созданию полноценной малоэтажной жилой среды. Она же оказалась и последней в свете разворачивавшейся в стране кампании борьбы с низкопоклонством перед Западом. Дискуссия, развернувшаяся вокруг конкурса, с самого начала была отмечена желанием размежеваться с англо-американской теорией «нейборхуд'а» (соседской общиной), вписать микрорайон в общую концепцию советского города с его преобладанием общественных пространств и функций.

Вновь, как и в конце 1930-х годов, не социально-функциональные, а художественно-образные характеристики жилого квартала и города в целом выдвигались на первый план. В градостроительных проектах 1943–1946 года, выполненных ведущими архитекторами страны, как никогда ранее расцвела система архитектурных форм, призванных обслуживать культ эмоций всеобщего духовного благополучия. Понятие «памятник эпохи» начало складываться в довоенной советской архитектуре, но лишь после войны оно стало определяющим. Градостроительное творчество в целом в это время рассматривалось прежде всего как сознательное созидание «памятников эпохи».

В послевоенные годы приоритет в буквальном выражении «открытого характера социалистического города», его «коллективистского начала» окончательно перешел от жилой внутридворовой среды к городу в целом. Тема жилой улицы как связующего звена между ними стала одной из ведущих в послевоенном градостроительстве. Одним из наиболее ранних и удачных примеров стал комплекс ул. Мира в Сталинграде (ныне Волгоград, рук. арх. В. Н. Симбирцев) (рис. 3).

Символом выражения общественных функций города в целом стало, к примеру, повсеместное проектирование после войны «высотных» Домов Советов, которые, как правило, напрямую связывались в проектах с вокзалом – точкой «прибытия в город» некоего гипотетического путешественника, перед которым по мере его движения по главной магистрали должны были раскрываться картины и образы счастливой жизни. Создать такой образ города практически возможно было, лишь располагая достаточной строительной базой, позволяющей отойти от малоэтажного строительства и создать хотя бы на магистралях и площадях многоэтажную жилую застройку.

^ Рис. 3. Сталинград. Застройка ул. Мира. Руководитель архитектор В. Н. Симбирцев (<https://pastvu.com/p/205460>)

В то же время ансамблевая застройка, осуществлявшаяся на магистралях и набережных Москвы, показала, что создание ансамблей вполне могло обходиться без комплексного жилищного строительства [11, с. 2–7]. При ансамблевой застройке магистралей жилой квартал постепенно перерождался в придомовое пространство престижного «монументального» жилого дома. В других городах, обладавших меньшими средствами и строительными мощностями, чаще всего задача разработки внутридворовых пространств при создании ансамбля магистрали даже не ставилась.

Характер взаимоотношений жилища и города в послевоенный период определялся, конечно, не только своеобразным состоянием проектного сознания, но и вполне практическими причинами. Основные материально-технические средства обеспечения восстановления и застройки городов по-прежнему оставались в системе ведомств. В первую очередь через нее созданный в сентябре 1943 года Комитет по делам архитектуры при СНК СССР вынужден был влиять на процесс градостроительства в стране и его архитектурно-художественный уровень. Сложившаяся в СССР «поселковая» идеология, в которой город понимался как нечто вторичное в процессе индустриального развития, оказалась весьма глубоко укорененной в советской действительности. Война, принеся огромные разрушения и потери культурных ценностей, на какое-то время реабилитировала качественное содержание понятия «город», выражавшееся в эту эпоху через установки «ансамблевого мышления». Осуществить реализацию этих установок практически и был призван Комитет по делам архитектуры. По сути, он оказался на перекрестье двух противоречивых концепций города, в равной степени санкционированных государством.

По ведомственным каналам проходила основная масса жилищно-гражданского проектирования. Формально Комитету подчинялись все проектные организации, независимо от их ведомственной принадлежности. На деле же эти организации работали по своему усмотрению, а функция Комитета сводилась к постановке барьеров на пути прохождения некачественных проектов, в том числе и проектов жилища. Не находил отклика у ведомств и призыв Комитета полнее учитывать в жилищном

^ Рис. 4. Магнитогорск. Застройка проспекта Металлургов. Руководитель архитектор Л. О. Бумажный (<https://ussr.totalarch.com>)

строительстве местные климатические и материально-ресурсные условия. Крупные ведомства, будучи по определению централизованными структурами, неохотно шли на такое усложнение своей проектной деятельности [12, лл. 1–37]. Основные финансовые ресурсы гражданского строительства также распределялись по ведомственным каналам. Политика удобного для предприятий малоэтажного поселкового строительства на практике приводила к тому, что проблемы благоустройства жилых кварталов, проводки коммуникаций, обустройства социально-культурной сферы легко выпадала из поля зрения ведомств-застройщиков, всегда имевших возможность сослаться на необходимость экономии государственных средств. А преодоление «распыления строительства», концентрация финансирования для создания общегородских ансамблей становились трудноразрешимыми задачами. Время шло, а «узловые ансамбли» городов все еще были далеки от воплощения, что воспринималось властью крайне негативно.

В проектном сознании того времени отношение к типовому проектированию колебалось между осознанием необходимости применения типовых проектов и внутренним неприятием, ощущением несовместимости типового проектирования с концептуальными установками послевоенного градостроительства. Общая установка определилась сразу: в интересах градостроительства многоэтажный жилой дом нельзя типизировать в целом, его каждый раз нужно проектировать, исходя из конкретной градостроительной ситуации, но используя типовые секции. При этом создавалось странное положение: ни проектирование таких домов, ни, тем более, архитектурное оформление их фасадов ни в коем случае нельзя было «пустить на самотек», доверить местным организациям. Слишком велика была роль «монументального жилища» в застройке центральных улиц, планировочного «стержня» города, а в условиях дефицита квалифицированных кадров на местах это грозило обернуться серьезными градостроительными дефектами.

Выход попытались найти в организации конкурса на «примерные» решения фасадов многоэтажных жилых домов (апрель 1946). Однако материалы этого конкурса вызвали значительное неприятие архитектурной обще-

ственности. Тем не менее, метод «примерных решений» был быстро распространен не только применительно к фасадам жилых домов, но и на застройку жилых районов, улиц, площадей. Работа «по образцам» рассматривалась Комитетом как действенный способ борьбы за повышение градостроительной культуры на местах, хотя на деле это способствовало быстрому распространению градостроительных штампов. Вместе с тем наличие в каждом городе десятков, а иногда и сотен ведомственных застройщиков, строивших по проектам различных проектных организаций, предельно затрудняло соблюдение «градостроительной дисциплины».

К началу 1950-х годов стали видны итоги гигантской проектной работы, проделанной после войны. Только в РСФСР была закончена разработка генпланов для 180 городов, заканчивалась работа над генпланами еще 50 городов. Для 55 городов были созданы проекты центров, спроектированы 88 главных магистралей [13, с. 5]. Потребность в перспективных проектах застройки еще далеко не была удовлетворена, но все же это (наряду с укреплением материально-технической базы строительства) позволило в целом по стране перейти к главному моменту в реализации концепции города – застройке центров. В эти годы велась ансамблевая застройка проспекта Сталина и проспекта Стачек в Ленинграде, улицы Спартака в Челябинске, проспекта Победы в Куйбышеве, улицы Ленина в Нижнем Тагиле, проспекта Металлургов в Магнитогорске (рис. 4) и др.; сооружались благоустроенные набережные в Ростове-на-Дону, Ялте, Кемерове, Саратове, Новосибирске, Ульяновске и других городах.

В Москве полным ходом шло проектирование и строительство отдельных ответственных частей города – магистралей, центральных площадей, набережных, строились высотные здания, отдельные монументальные жилые здания, принадлежавшие крупным ведомствам. Продолжалось многоэтажное жилищное строительство на Садовом кольце, на ул. Горького и Можайском шоссе. Важным этапом стала застройка Юго-Западного района (арх. А. В. Власов и др.), Песчаных улиц (арх. З. М. Розенфельд и др.), где строились кварталы 7–10-этажных жилых домов с типовыми школами и детсадами. Однако во многих городах, особенно бывших в годы войны глубоким тылом, развертывание реконструкции центров значительно запаздывало. Это было связано с неразвитостью как строительной базы, так и инженерной инфраструктуры города, не позволявшей перейти к многоэтажному жилищному строительству в центре.

Постепенно художественная целостность ансамбля, города в целом, ранее отождествляемая с единством сложного композиционного замысла, начинает ассоциироваться с одинаковой повторяемостью изделий строительного конвейера. Значение такой смысловой подмены сводилось к тому, что типовое проектирование отнюдь не помеха для «большой архитектуры», для ансамбля. Двойственное отношение к типовому проектированию, характерное для первых послевоенных лет, сохранялось до конца 1940-х годов. Архитекторы, понимая неизбежность перехода на типовое проектирование, все же, когда речь заходила о городе в целом, относились к нему скорее как к негативному фактору: типовое строительство, во всяком случае, нельзя было допускать на ответственные участки города. Но формулировки быстро менялись. Профессиональная пресса писала о том, что внедрение типизации вносит новое в методологию создания ансамблей, повторяемость становится важнейшим фактором художественной целостности сооружений, индустриальные методы не снижают, а повышают роль искусства в строительстве, прежде всего искусства композиции ансамблей. Однако первые практические результаты

строительства жилищ по существующим на то время типовым проектам сразу же получили отрицательную оценку крупных мастеров-архитекторов [14, лл. 206–208].

Проблема создания серий типовых проектов, отвечающих задачам застройки городов, так и не была решена в послевоенный период. К концу послевоенного десятилетия приоритеты постепенно поменялись местами: градостроительные задачи стали подгоняться под возможности типового проектирования и индустриальной базы строительства. Социальное наполнение жилого района в послевоенный период так и не получило своего развития, независимо от доминирующих в те или иные годы концепции города и методов проектирования и строительства. На фоне жесточайшего жилищного кризиса уже в самом начале 1950-х годов активно стал обсуждаться вопрос, пожалуй, немыслимый еще несколько лет назад: что лучше – размещать новое жилищное строительство в структуре сложившихся районов города или на новых территориях? В ходе борьбы за «устранение территориальных излишеств» некоторые подсчеты экономистов подводили к выводу, что в сложившихся условиях освоение новых территорий рентабельнее, чем радикальная реконструкция центральных районов, требовавшая большого сноса. Принятые в середине 1950-х годов известные постановления о борьбе с «излишествами» и переходе на индустриальные методы строительства лишь усугубили создавшееся положение.

Литература

1. О строительстве метрополитена и плане г. Москвы. (Речь тов. Л. М. Кагановича на пленуме Моссовета с участием ударников метростроя, фабрик, заводов г. Москвы 16 июля 1934 года) // Строительство Москвы. – 1934. – № 7. – С. 3–10.
2. Постановление Президиума Московского городского исполнительного комитета и Московского совета РК и КД от 14 июля 1932 года «О типе жилого дома» // Строительство Москвы. – 1932. – № 8–9. – В克莱ка перед с. 1.
3. Постановление СНК СССР от 23.04.1934 № 945 «Об улучшении жилищного строительства» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). – 1934. – № 23. – Статья 180.
4. План социалистической Москвы : передовая // Архитектура СССР. – 1935. – № 8. – С. 1–4.
5. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 8. Ед. хр. 1. Л. 83. Стенограмма партийно-комсомольского собрания в Союзе советских архитекторов, 1934.
6. Совещание по вопросам строительства в ЦК ВКП(б) в декабре 1935 года // Наше строительство. – 1935. – № 24. – С. 1.
7. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 95. Стенограмма партийного собрания в Союзе советских архитекторов, 1937.
8. Задачи архитекторов в дни Великой Отечественной войны. Материалы X пленума Союза советских архитекторов СССР 22–25 апреля 1942 г. – Москва : Гос. Изд. Академии архитектуры СССР, 1942. – 72 с.
9. Иофан, Б. Строительство военного времени // Известия. – 1942. – № 238 (9 октября). – С. 3.
10. Творческие задачи советской архитектуры : Материалы XI пленума ССА СССР. // Литература и искусство. – 1943. – 21 августа. – № 34. – С. 1.
11. Мордвинов, А. Г. Архитектура многоэтажных жилых домов // Архитектура и строительство. – 1950. – № 10. – С. 2–7.
12. РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Ед. хр. 371. Лл. 1–37. Стенограмма Междуведомственного совещания, созванного по инициативе Комитета по делам архитектуры, 1948.
13. Шквариков, В. Неустанно повышать качество застройки городов // Архитектура СССР. – 1952. – № 3. – С. 4–14.
14. РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 500. Лл. 206–208. Стенограмма XI сессии Академии архитектуры СССР 7–9 июля 1953 г. Выступл. Б. М. Иофана.

References

Iofan, B. (1942, October 9). Stroitelstvo voyennogo vremeni [Wartime construction]. *Izvestiya*, 238, 3.

Mordvinov, A. G (1950). Arkhitektura mnogoetazhnykh zhilykh domov [Architecture of multi-storey residential buildings]. *Architecture and construction*, 10, 2–7.

O stroitelstve metropolitena i plane g. Moskvy (Rech tov. L. M. Kaganovicha na plenume Mossoveta s uchastiem udarnikov metrostroya, fabrik, zavodov g. Moskvy 16 iyulya 1934 goda) [On the construction of the metro and the plan for the city of Moscow. (Speech by Comrade L.M. Kaganovich at the plenum of the Moscow City Council with the participation of shock workers of the metro construction, factories, and plants of Moscow on July 16, 1934)]. (1934). *Construction of Moscow*, 7, 3–10.

Plan sotsialisticheskoy Moskvy [Plan of socialist Moscow]. (1935). *Architecture of the USSR*, 8, 1–4.

Postanovleniye Prezidiuma Moskovskogo gorodskogo ispolnitelnogo komiteta i Moskovskogo soveta RK i KD ot 14 iyulya 1932 goda «O tipe zhilogo doma» [Resolution of the Presidium of the Moscow City Executive Committee and the Moscow Council of the RK and KD of July 14, 1932 “On the type of residential building”]. (1932). *Construction of Moscow*, 8–9, insert before p. 1.

Postanovleniye SNK SSSR ot 23.04.1934 № 945 «Ob uluchshenii zhilishchnogo stroitelstva» [Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR of 23.04.1934 No. 945 “On the improvement of housing construction”]. (1934). *Collection of laws and regulations of the workers’ and peasants’ government of the USSR*, 23, Art. 180.

Shkvarikov, V. (1952). Neustanno povyshat kachestvo zastroyki gorodov [To constantly improve the quality of urban development]. *Architecture of the USSR*, 3, 4–14.

Soveshchaniye po voprosam stroitelstva v TSK VKP(b) v dekabre 1935 goda [Conference on construction issues at the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in December 1935]. (1935). *Our construction*, 24, 1.

Stenogramma Mezhdovedomstvennogo soveshchaniya, sozvannogo po initiative Komiteta po delam arkhitektury [Transcript of the Interdepartmental Conference convened on the initiative of the Committee on Architectural Affairs]. (1948). *Russian State Archive of Economics*. Fund 9432. Inv. 1. File 371. Sheets 1–37.

Stenogramma partiynogo sobraniya v Soyuze sovetskikh arkhitektorov [Transcript of the party meeting in the Union of Soviet Architects]. (1937). *Russian State Archive of Literature and Art*. Fund 674. Inv. 2. File 29. Sheet 95.

Stenogramma partiyno-komsomolskogo soveshchaniya v Soyuze sovetskikh arkhitektorov [Transcript of the Party-Komsomol meeting in the Union of Soviet Architects]. (1934). *Russian State Archive of Literature and Art*. Fund 674. Inv. 8. File 1. Sheet 83.

Stenogramma XI sessii Akademii arkhitektury SSSR (7–9 iyulya 1953 g.) (Vystupl. B. M. Iofana) [Transcript of the 11th session of the USSR Academy of Architecture (July 7–9, 1953) (Speech by B. M. Iofan)]. *Russian State Archive of Economics*. Fund 293. Inv. I. File 500. Sheets 206–208.

Tvorcheskiye zadachi sovetskoy arkhitektury (Materialy XI plenuma Soyusa Sovetskikh Arkhitektorov SSSR) [Creative tasks of Soviet architecture (Materials of the 11th plenum of the Union of Soviet Architects of the USSR)]. (1943, August 21). *Literature and Art*, 34, 1.

Zadachi arkhitektorov v dni Velikoy Otechestvennoi voyny. Materialy X plenuma Soyusa Sovetskikh Arkhitektorov SSSR 22–25 aprelya 1942 g. [Tasks of architects during the Great Patriotic War. Materials of the 10th Plenum of the Union of Soviet Architects of the USSR, April 22–25, 1942]. (1942). Moscow: State Publishing House of the Academy of Architecture of the USSR.